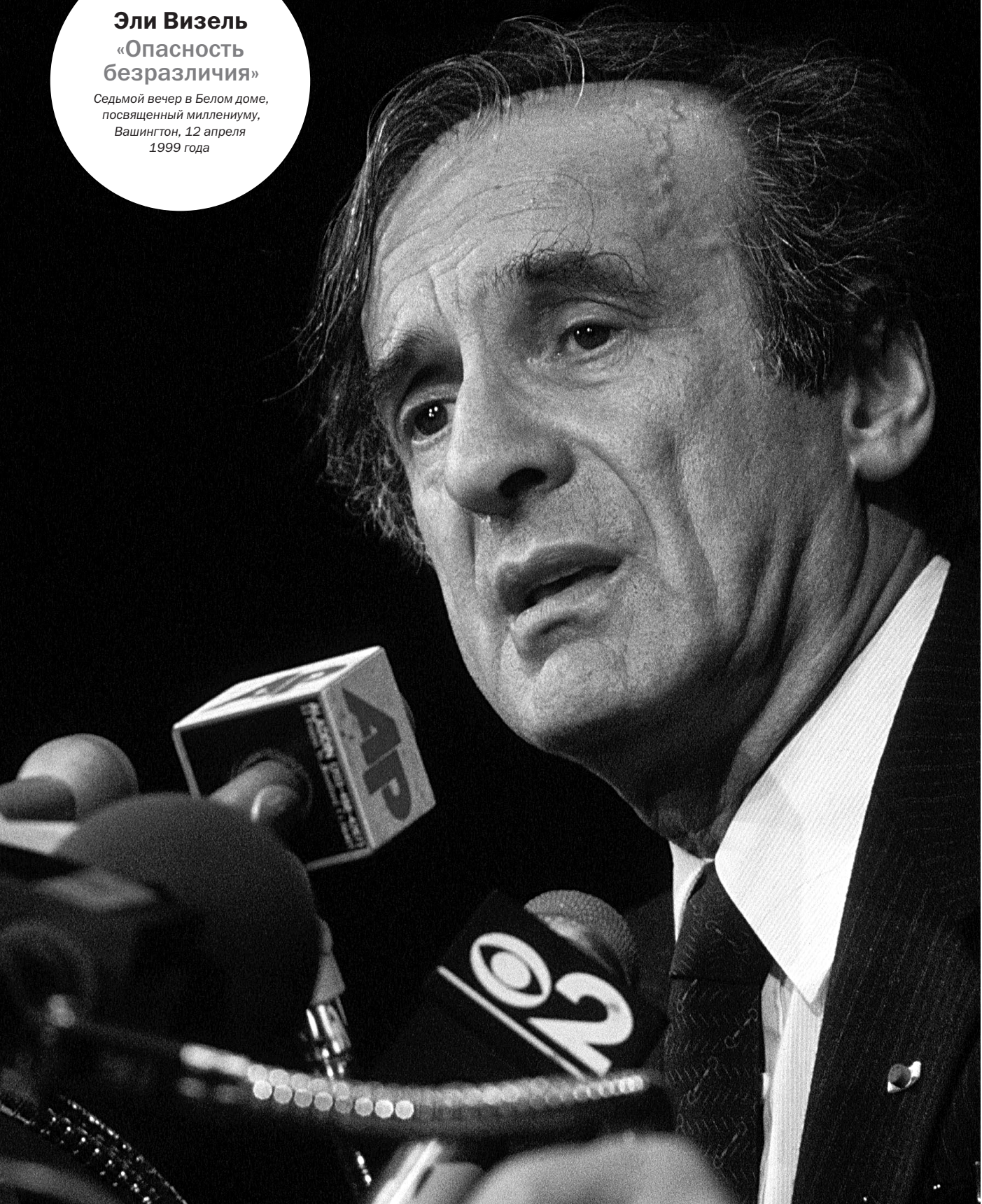

Эли Визель
**«Опасность
безразличия»**

Седьмой вечер в Белом доме,
посвященный миллениуму,
Вашингтон, 12 апреля
1999 года

Эли Визель — писатель, сделавший главной темой своего творчества страдания, которые он вместе с другими евреями перенес в фашистских лагерях смерти. Визель родился в 1928 году в Сигете (Румыния) и вырос в еврейской общине, где говорили на идиш. С раннего детства Эли изучал иврит, и религия заняла центральное место в его жизни.

В 1944 году нацисты «очистили» Сигет от евреев, отправив их в концлагеря. В Освенциме Эли разлучили с матерью и младшей сестрой, и он их никогда больше не видел. Ему и отцу удалось быть в лагере вместе. Узников морили голодом, истязали, загружая при этом непосильной работой. Потом Визели оказались в лагере Бухенвальд. Там отец Эли умер от издевательств и истощения в начале 1945-го, незадолго до освобождения узников Бухенвальда войсками союзников.

После завершения Второй мировой войны Эли Визель изучал философию в Сорбонне (Париж), преподавал иврит и работал хормейстером. Он стал журналистом и сотрудничал с французскими и израильскими газетами. Десять лет Визель ничего не писал о войне, но в конце концов рассказал в своих книгах о том, что ему довелось пережить.

В 1956 году несчастный случай еще раз изменил ход его жизни. В Нью-Йорке Визеля сбил автомобиль, и он почти год был прикован к инвалидной коляске. Он подал заявление на американское гражданство, остался в Нью-Йорке и стал корреспондентом еврейской газеты Der Forverts, издававшейся на идиш.

В своей первой книге «Ночь», опубликованной в 1958 году, Визель рассказывает о жизни в концлагере. Далее вышли романы «Рассвет», «День» и «Город за стеной». Он написал ряд пьес, еще несколько романов, а также эссе и рассказы.

Являясь горячим приверженцем еврейского государства, Эли Визель выступал также в поддержку притесняемых меньшинств в любом конце мира, в том числе евреев в Советском Союзе, «исчезнувших» в Аргентине, беженцев из Камбоджи, курдов, индейцев в Никарагуа и жертв голода в разных странах.

Родился
30 сентября 1928
года в Трансильвании. Про-
фессор гуманитарных наук Бостон-
ского университета и председатель Аме-
риканского мемориального совета по хо-
локосту. Лауреат Нобелевской премии мира
(1986). Вместе с женой основал Гуманитар-
ный фонд Эли Визеля. Речь «**Опасность безраз-
личия**» была произнесена перед аудиторией
в Белом доме. Хиллари Клинтон представи-
ла Визеля со словами: «Вы научили нас
не забывать. Вы постоянно заставля-
ете нас прислушиваться к жерт-
вам безразличия, ненави-
сти и злобы».

В этой речи, адресованной президенту Клинтону и Конгрессу США, Визель обращается к собственному жизненному опыту, чтобы подчеркнуть тяжелое положение угнетаемых и бедных во всем мире.

Пятьдесят четыре года тому назад один еврейский мальчик, который ранее жил в маленьком городе в Карпатах, проснулся рядом с Веймаром, любимым городом Гете,— в месте вечного позора под названием Бухенвальд. Мальчик наконец обрел свободу, однако в его сердце не было радости. Он думал, что никогда больше не сможет радоваться. Освобожденный накануне американскими солдатами, мальчик помнит, какую ярость вызвало у них то, что они увидели в лагере. И даже если ему суждено дожить до седых волос, он всегда будет им благодарен за эти ярость и сострадание. Их язык был ему непонятен, но все, что ему нужно было знать, сказали их глаза — сказали, что они тоже запомнят все увиденное и будут свидетелями...

Мы стоим на пороге нового века, нового тысячелетия. Каким окажется наследие века уходящего? Что будут помнить о нем в новом тысячелетии? Конечно, время свершит свой суд — и моральный, и другой, высший. Трагедии XX века омрачили историю человечества: две мировые войны, гражданские войны без счета, безумная череда громких убийств (Ганди, Кеннеди, Мартин Лютер Кинг, Садат, Рабин), кровавые бойни в Камбодже и Нигерии, Индии и Пакистане, Ирландии и Руанде, Эритрее и Эфиопии, Сараево и Косово; бесчеловечность ГУЛАГа и трагедия Хиросимы. И — на другом уровне, разумеется, — ужасы Освенцима и Треблинки. Как много насилия — и как много безразличия.

Что есть безразличие? Этимологически это слово значит «отсутствие различий». Странное и противоестественное состояние, когда размыты границы между светом и тьмой, закатом и рассветом, преступлением и наказанием, жестокостью и состраданием, добром и злом. Во что это разовьется, какими будут последствия? Философия ли это? Мыслима ли философия безразличия? Можно ли вообще представить, чтобы безразличие стало считаться достоинством? Нужно ли иногда прибегать к нему просто для того, чтобы сохранить здравый ум, жить нормальной жизнью, получать удовольствие от вкусного ужина с бокалом вина, когда мир вокруг тебя сотрясают трагедии?

Разумеется, безразличие может показаться заманчивым, более того, соблазнительным. Ведь куда проще отвернуться от жертв, уйти от того, что грубо вмешивается в нашу работу, наши мечты и надежды! В конце концов, так неловко и хлопотно принимать участие в чужой боли и отчаянии. Но тогда для безразличного человека люди вокруг

не имеют значения. И, следовательно, их жизнь лишена для него смысла. Их явные или скрытые страдания неинтересны. Безразличие превращает постороннего человека в абстракцию.

Там, за черными воротами Освенцима, самыми несчастными заключенными были так называемые мусульмане*. Закутавшись в рваные одеяла, они сидели или лежали на земле, бессмысленно устремив взгляд в никуда, не понимая, кто они и где находятся, — чужие для окружающих. Они уже не чувствовали боли, голода, жажды. Они ничего не боялись. Они ничего не чувствовали. Они уже умерли, но не знали об этом.

Некоторые из нас чувствовали, что быть забытым людьми, как не раз было в истории нашего народа, — не самое плохое. Мы чувствовали, что быть забытым Богом хуже, чем быть наказанным Им. Несправедливый Бог лучше, чем равнодушный. Для нас безразличие Господа было более жестоким наказанием, чем вероятность стать жертвой Его гнева. Человек может жить далеко от Бога, но не вне Его. Бог повсюду, где бы мы ни находились. Даже когда мы страдаем? Даже когда страдаем.

В каком-то смысле именно безразличие к этим страданиям и делает человека нечеловеком. Безразличие, в конце концов, опаснее гнева и ненависти. Гнев порой бывает созидательным. Кто-то напишет прекрасные стихи, кто-то — великую симфонию. Кто-то сделает что-то особенное ради человечества, потому что разгневан несправедливостью, свидетелем которой стал. Безразличие же никогда не бывает созидательным. Даже ненависть иногда может вызывать ответную реакцию. Вы боретесь с ней. Вы осуждаете ее. Вы разоружаете ее.

«Именно безразличие к страданиям и делает человека нечеловеком. Безразличие всегда друг врага, потому что оно на руку агрессору»

Безразличие не вызывает ответной реакции. Безразличие — это не реакция. Безразличие — это не начало, это конец. Следовательно, безразличие всегда друг врага, потому что оно на руку агрессору и никогда не выгодно жертве, чья боль только усиливается от того, что она ощущает себя забытой. Политзаключенные, голодающие дети, беженцы без крыши над головой — не реагировать на положение, в котором они оказались, не скрашивать их одиночество, даря им искру надежды, означает изгнать их из человеческой памяти. Отрицая их человеческую сущность, мы предаем свою собственную.

* В тексте *Muselmänner*. Так в концлагерях называли узников, впавших в апатию от истязаний и голода. — Прим. пер.

Значит, безразличие — не только грех, но и наказание.

И это один из самых важных уроков широкомасштабных экспериментов с добром и злом, имевших место в уходящем веке.

Там, откуда я прибыл, общество состояло из трех категорий людей: убийцы, жертвы и наблюдающие со стороны. В мрачайшие времена, когда мы были в гетто и лагерях смерти — я рад, что миссис Клинтон упомянула, что сейчас мы отдаем дань памяти тем событиям, что у нас сейчас дни поминовения, — тогда мы чувствовали себя забытыми. Мы все.

И единственным слабым утешением была уверенность, что Освенцим и Трешлинка — это тщательно засекреченные места и лидеры свободного мира не знают о том, что происходит за черными воротами и колючей проволокой; они не ведают о войне против евреев, которую ведут Гитлер и его сообщники как часть войны против армий союзников. Если бы они узнали, думали мы, они бы непременно перевернули небо и землю, чтобы помешать этому. Они громко и твердо возмутились бы. Они разбомбили бы железные дороги, ведущие в Беркенау, — всего лишь рельсы, хватило бы и одного удара.

А теперь мы узнали, что и Пентагону обо всем было известно, и госдепартаменту тоже...

Трагическая история корабля «Сен-Луи» — яркий тому пример. Шестьдесят лет назад его человеческий груз — почти тысяча евреев — был отправлен назад, в нацистскую Германию. И это произошло после Хрустальной ночи, после первого санкционированного государством погрома, когда были разрушены сотни еврейских лавок, сожжены синагоги, тысячи людей отправлены в концлагеря. А этот корабль, который уже находился в территориальных водах Соединенных Штатов, был отправлен обратно. Я не понимаю этого. Рузвельт был человеком с добрым сердцем. Он понимал тех, кому нужна помощь. Почему же он не решил беженцам, всего тысяче человек, сойти на берег в Америке — огромной стране, стране величайшей демократии, самой щедрой из всех наций в современной истории? Что случилось? Не понимаю. Откуда такое безразличие на высочайшем уровне к страданиям жертв?

Но были и такие люди, кого тронула наша трагедия. Те неевреи, те христиане, которых мы называем благочестивыми неевреями, чьи самоотверженные поступки спасли честь их веры. Почему их было так мало? Почему было больше попыток укрыть убийц-эсэсовцев после войны, чем спасти их жертв во время войны? Почему некоторые крупнейшие корпорации Америки продолжали вести бизнес с гитлеровской Германией вплоть до 1942 года?

Есть предположения и есть документы, подтверждающие, что вермахт не смог бы захватить Францию, не будь у Германии нефти, полученной от американцев. Как объяснить такое равнодушие?

И все же, друзья мои, в этом драматичном веке случались и хорошие события: победа над нацизмом, крах коммунизма, возрождение Израиля на земле предков, конец апартеида, мирный договор Израиля с Египтом, восстановление мира в Ирландии. Давайте вспомним исполненную драматизма и эмоций встречу Рабина и Арафата, которую вы, господин президент, провели именно здесь, в этом зале. Я тоже был здесь тогда, и я никогда ее не забуду.

Затем, разумеется, совместное решение США и НАТО вмешаться в конфликт в Косово и спасти тех жертв, тех беженцев, которых изгонял с обжитых мест человек, который, по моему убеждению, подлежит суду за преступления против человечества.

Но на этот раз мир не стал молчать. На этот раз мы даем отпор. В этот раз мы вмешались.

Значит ли это, что мы чему-то научились на своих ошибках? Значит ли это, что общество изменилось? Стал ли человек менее безразличным и более гуманным? Действительно ли мы извлекли урок из собственного опыта? Стали ли мы более чуткими к страданиям жертв этнических чисток и других форм несправедливого обращения как рядом с нами, так и на другом конце света? Является ли сегодняшнее оправданное вмешательство в проблему Косово, осуществляемое под вашим, господин президент, руководством, последним предупреждением — и больше нигде никогда не будут позволены депортации и террор по отношению к детям и их родителям? Охладит ли это пыл других диктаторов, желающих осуществить нечто подобное?

А что же дети? О, мы видим их по телевизору и читаем о них в газетах, обливаясь слезами. Их судьба — неизменно самая большая трагедия. Когда воюют взрослые, гибнут дети. Мы видим их глаза. Но слышим ли их призыв о помощи? Чувствуем ли их боль и страдания? Каждую минуту кто-то из них умирает от болезни, насилия, голода.

Многих, очень многих можно спасти.

И я снова вспоминаю еврейского мальчика с Карпатских гор. Он сопровождает старика, в которого я превратился за все эти годы поиска и борьбы. Вместе мы идем к новому тысячелетию, подгоняемые сильным страхом и огромной надеждой. ●

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)